

следует отнести статьи Т. Снигиревой «Новый мир» А. Твардовского и эзопов язык «оппозиционной литературы» и И. Сорокиной «Стиль как «главный герой» «левой» эмигрантской критики», богатые специальным историко-литературным материалом.

Ценность рецензируемой коллективной монографии «XX век. Литература. Стиль» — в добросовестности и высоком профессионализме ее авторов, в многообразии используемых ими путей и методов научного исследования. Причем заметим, что полифоническая широта самих направлений в понимании литературоведческой (и — шире — культурологической) категории «стиль» не отменяет одного важнейшего момента: третий выпуск серийного издания свидетельствует о том, что вокруг коллективной монографии объединился мощный состав авторов, претендующий на то, чтобы именоваться научной школой. Не менее важен и тот факт, что помещенные в монографии филологические исследования о стиле сами являются стильными, их несомненное достоинство — в «лица необщем выраженьи», в печати незаурядной авторской индивидуальности, в неповторимом исследовательском почерке. В этом отношении, вне всякого сомнения, рецензируемая монография оказывается на высоте современных требований, предъявляемых к филологической науке. Остается только пожелать коллективной монографии «XX век. Литература. Стиль», ее авторам и научному редактору новых творческих замыслов, которые могли бы вылиться (в перспективе, как знать?) в книги о стилевом развитии литературы XX века, об истории индивидуальных авторских стилей. И если для любого творчества актуален пушкинский вопрос «Куда ж нам плыть?», то пожелаем большому кораблю — большого плаванья.

О.М. Пресняков

ЛИРИЧЕСКОЕ СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

Все, о чем пойдет речь в этом Слове, собирающем из осколков-воспоминаний, из слов, разлетевшихся во времени, зеркало памяти, где навсегда запечатлелись образы моей прошлой — студенческой — жизни, так или иначе будет связано с филологией. Человек, о котором здесь будет говориться, иначе как с филологией у меня не ассоциировался, и даже не столько с самой наукой, сколько с филологическим факультетом Уральского госуниверситета. Это было немного странно, ведь как я думал, любой человек должен играть в жизни более заметную роль, чем просто роль преподавателя или студента — все равно какую работу он выполняет. Хотя такую роль — где личностное начало берет верх над сугубо профессиональным, обогащая последнее светом индивидуальности — все же не всем удастся исполнить. Но та, чей образ незримо присутствует в этих словах, была одарена подобной ролью самой судьбой, — однако требовалось время, чтобы это понять. Время, которое сейчас по моему велению двинется вспять, и я снова увижу профессора кафедры русской литературы XX века Виолу Викторовну Эйдинову — глазами ученика, только-только пришедшего в большую школу...

«...Я еще не был знаком с Виолой Викторовной лично. Конечно, я без труда узнавал ее в сумрачных университетских коридорах, на прокуренных лестницах, в оглушающих своей тишиной залах библиотеки — вот, пожалуй, достаточно полный перечень тех мест, где мне тогда удавалось столкнуться с одним из самых именитых ученых университета. И вот главное свидетельство того, почему Виола Викторовна в первую очередь представляется мне именно ученым-профессионалом — и никем другим. Ни разу не встретились мы (в транспорте или на улице, или где-то еще) — за пределами волшебного мира науки. В этом мире она — мэтр, у нее свои атрибуты власти: сборники, книги, рукописи, своя свита и свой язык, заставляющий все сердца, на нем говорящие, выстукивать звуком единым — стиль!...»

«...Никогда я не видел ее без книг. Хотя нет, конечно видел, но это были именно те случаи, когда она находилась в кругу студентов или коллег-ученых и, судя по тем обрывкам разговоров, которые я невольно слышал, проходя мимо, обсуждались литература, работа на факультете, новые публикации каких-то авторов, совершенно фантастические имена...»

«...Осторожно (впрочем, как и большинство студентов) заглядываю на кафедру... Не может быть! Она уже здесь и погружена в работу, а ведь не прошло и пяти минут, как мы столкнулись в переходе на Тургенева. И рядом с ней — а на это уходит, как я начал понимать, не один час напряженного труда, — студенты, аспиранты, с которыми, видимо, идет какой-то важный разговор...»

«...Сколько раз я видел Виолу Викторовну почти бегущей по коридору с неизменной пачкой каких-то бумаг и книжек, сколько раз видел, как она на ходу дает ответы на вопросы коллег и студентов, как она стильно, со знакомой улыбкой входит в аудиторию и на высокой, но такой естественной и живой ноте, говорит с теми, кто влюблен в филологию...»

«...Ее переполняет удивительная, неиссякаемая энергия, и в этом нет ничего того, что можно было бы назвать стремлением создать некий имидж, — это, вероятно, образ жизни, восприятие реальности именно так и никак иначе, вечная попытка вторгаться в жизнь, но в то же время и вечное научное любопытство, заставляющее вглядываться в суть событий, погружаться в сферу знания настолько глубоко, насколько это возможно...»

«...Я хорошо знаю научные труды Виолы Викторовны. В первый раз я просто пробежал по ее страницам глазами, стараясь запомнить — не звучание даже, но вид магических слов — как будто это были не слова, а фигуры. Так в феерическом танце закружилась передо мною — переходя из фигуры в фигуру — мысль профессора Эйдиновой: легкая и глубокая, как отражение неба в тихой воде...»

«...Почти каждый день, поднимаясь по центральной лестнице, я вижу перед собой улыбающееся лицо профессора Эйдиновой. И это не виртуальный пассаж, хотя Виолу Викторовну можно считать создателем настоящего виртуального пространства — планеты стиль, — просто я прохожу мимо доски с фотографиями видных ученых нашего университета. Увидеть улыбающееся лицо Виолы Викторовны, контрастирующее с серьезностью и строгостью атмосферы того академического фотомира, в котором оно живет, всегда приятно и немножко забавно. А еще отрадно то, что Виола Викторовна — это один из немногих представителей филологического факультета, нашедший себе место в этой университетской «аллее Звезд».

И в общении Виола Викторовна почти всегда так же приветлива, как на той фотографии. Ее открытость и умение слышать другого, сочетающиеся с верностью своему призванию, создают тот яркий и узнаваемый стиль присутствия неординарной личности, которым проникаются все, кто оказывается рядом с ней. А ее статус — ученого европейского масштаба — создается как бы сам собой, без ее участия — легко и свободно!..»

«...Я уже среди тех, кого можно назвать учениками профессора Эйдиновой. Это целое научное сообщество, в которое входят как начинающие литературоведы, делающие первые шаги в науке, так и те, кто защищает диссертации (докторские и кандидатские), пишет серьезные исследования, создает оригинальные литературоведческие концепции. Каждая работа, рождающаяся в сфере интеллектуального диалога Учителя с учениками — будь то дипломный проект или кандидатская диссертация — отличается нацеленностью на анализ стилевой доминанты авторского сознания. Виоле Викторовне удастся направить каждого из своих последователей по той тропе, на которой литературоведа-аналитика ждет приобщение к творческому откровению, составляющему тайну любого художественного мира. Подлинный профессионализм, теоретическая обоснованность и широкий эстетико-философский кругозор, творческая раскрепощенность мысли, — вот те качества исследовательской работы, которые, являясь печатью научного стиля В. В. Эйдиновой, воспроизводятся в каждом новом проекте ее школы...»

Главное же состоит в том, что в человеке, которому посвящены все эти слова, нет ни одного движения, ни одного помысла, которые в то же самое время не были бы порывом высокой научной мысли — к истине и к вере в то, что она существует. Поэтому я снова и снова вглядываюсь в те картины, что живут в моей памяти, я надеюсь, что смогу разглядеть в них тайну счастливой судьбы, связавшей в единую нить линии Женщины, Любви и Науки. Хотя сама Виола Викторовна скажет, что в ней нет никакой тайны, — правда, скажет, таинственно улыбнувшись...

ПОЭТИЧЕСКИЕ СТРОКИ

В. В. Эйдиновой

Есть женщины там, на Урале,
вдали от надменных столиц,
таких вы встречали едва ли
с особою прелестью лиц,
с музыкою в имени звуке,
с улыбкой, что солнечный свет...
и эти изящные руки...
Но где мне закончить портрет —
он жаждет не быть завершенным,
застывшим, навечным, — ведь он
открыто, светло, восхищенно
в свое содержание влюблен.